

Владимир БАРСАМОВ

Национальная политика в российских республиках: эволюция последних лет и перспективы

Новая ситуация в России

1994-й год положил начало новому этапу становления государственного устройства России. Одно за другим следуют события, трактуемые как успехи сторонников Центра: введена новая Конституция, подписан Договор между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан, ряд руководителей республик выразили готовность пересмотреть республиканские конституции с целью согласования их с Конституцией Российской Федерации, а в Калмыкии, более того, отменить республиканскую конституцию. После подписания Федеративного договора в марте 1992 года нынешний период многим видится наиболее спокойным с точки зрения сохранения территориального единства.

Однако есть основания утверждать, что, несмотря на кажущееся укрепление центральной власти, угроза дезинтеграции не исчезла. В условиях быстро ухудшающейся экономической ситуации за центристскими ориентациями масс могут последовать и центробежные. Достаточно вспомнить, как быстро за последнее время менялись массовые ориентации. Период «суверенитетов» был приостановлен Федеративным договором, способствовавшим торможению и переводу существующих национально-государственных конфликтов и претензий из открыто провозглашаемых в молчаливо осуществляемые. Удалось приглушить наиболее опасные (с точки зрения сохранения стабильности в полиэтничных регионах) заявки на создание ряда «русских» политических республик: Русской, Дальневосточной, Енисейской, Сибирской. В отличие от экономических мотивов провозглашения «Уральской республики» Э. Росселя мотивы возникновения этих образований были именно политическими. Не удалось, однако, предотвратить вооруженные столкновения на Северном Кавказе и — как следствие — попытки пересмотреть статус нахождения в Российской Федерации. Второй нестабильный регион, дающий дезинтеграционные импульсы, — Поволжско-Уральский. Через Поволжье, Урал и Восточную Сибирь проходит своеобразная «дуга нестабильности», которая стимулируется резким спадом промышленности, ориентированной на потребности Центра, и дальнейшим ухудшением благосостояния людей.

После принятия новой федеративной Конституции наметилась следующая

фаза противостояния Центра и регионов. Теперь это противостояние стремящихся к сохранению и расширению достигнутой самостоятельности регионов и политически единого и однородного Центра. Многие руководители регионов ориентированы по-прежнему на поддержку ресурсами из Центра. Сможет ли Центр оправдать эти ожидания? В условиях усиливающегося распада экономики становится очевидным, что политическая борьба будет обостряться и впредь. Важным аспектом этой борьбы будет оставаться конфликт Центра и регионов. Новая Конституция лишь частично ослабила противоречия, связанные со статусом и объемом полномочий субъектов федерации, поскольку, как правило, пути и способы получения льгот и привилегий не связаны с юридическим (закрепленным в Конституции) статусом региона, а предоставляются по другим, не всегда рациональным основаниям.

Перегруппировка сил на оси «Центр—регионы» в 1992—1993 годах

Как показывают бюджетные итоги 1992—1993 годов, политическая конъюнктура и идеологические ориентации у правящих групп в отношении республик и регионов в этот период оставались важнейшим критерием принятия решений в региональной политике. Одним из факторов дезинтеграции Российской Федерации являлся тот факт, что региональная политика во многом определялась логикой политической борьбы в Центре. Ориентация на идеологические критерии проявилась еще в 1992 году в попытках добиться финансовой стабилизации. Достигшая гигантских масштабов задолженность по зарплате в областях и республиках объяснялась отсутствием рублевой массы. Но выборочное снабжение рублевой массой республик Прибалтики, «демократической» Грузии, выступавших в поддержку Президента и Правительства шахтеров Кемерово, Коми и одновременное «наказание» регионов и областей с доминированием идеологически непоощряемых ориентаций («красные» области, поддержавшие ГКЧП национальные регионы) ослабляли подобную аргументацию. Не исключением, а, скорее, правилом были специальные решения, предоставляющие исключительные полномочия руководству ряда регионов, занимающему идеологически близкие правящей группе позиции.

После «пирровой победы» российского Центра над союзным региональная политика стала орудием борьбы между президентско-правительственными и законодательными группировками во властных структурах. Интересы политической борьбы в ущерб экономическим соображениям, заложенные в основу региональной политики, давали и дают серьезную подпитку республиканскому сепаратизму. Все это происходит на фоне неудач заявленной внешнефинансовой стратегии «единого рублевого пространства» для всего ближнего зарубежья.

Политика «либерализации цен» и обесценивания рубля привела к особенно болезненным результатам в Сибири. Традиционно значительные накопления работников региона резко обесценились. Государство нередко не оплачивает произведенную по заказу и сданную продукцию. Оказались разрушенными традиционные связи Центр—регионы. На стабильно заказываемую Союзом в регионах продукцию у России спроса не оказалось. Дотации Центра сократились. Высокие налоги и отсутствие денежной массы приводили к отказам Башкортостана, Татарстана и некоторых других регионов перечислять в ряде случаев все предусмотренные законами налоговые отчисления в федеральный бюджет.

Ход реформ, проводимых правящими группами России в 1992—1993 годах, поставил перед республиканскими руководителями альтернативу: или плестись в хвосте федеральной политики, разделяя всю ответственность за проводимый центральным правительством курс, издержки которого все более переключались на регионы, или попытаться частично отмежеваться от него, смягчить

удар «шоковой» политики Центра, переложив на него ответственность, «сыграть свою игру».

Более приемлемым для многих оказался второй вариант. В особенно сложную ситуацию попали наименее самообеспеченные дотационные республики, политический маневр руководства которых в этом направлении был ограничен.

В пользу стратегии отмежевания от Центра работало политическое противостояние между различными ветвями и политическими группировками в самой федеральной власти. Такая борьба все сильнее втягивала в это противостояние российские республики и области.

Первоначально республики однозначно ориентировались на Верховный Совет, который отстаивал принципы Федеративного договора в противовес исполнительной власти. В органах федеральной законодательной власти республики имели достаточно сильные позиции в отличие от исполнительной, где они практически не были представлены. Однако, начиная с весны 1992 года, положение стало меняться; многим республикам была оказана финансовая и материальная помощь; предусмотрен опережающий рост бюджета по сравнению с областями; «закрыты глаза» на принятые неправомерные акты; делались заявки на пересмотр нереализованного Федеративного договора в сторону усиления прав республик; наконец, был создан Совет глав республик, что способствовало переориентации республиканского руководства на правительство.

Руководство областных Советов, особенно в тех регионах, где оно не сработалось с назначенными главами администрации, начало в 1993 году дрейф в сторону усиления поддержки центральной представительной власти.

Ликвидация Верховного Совета как одного из альтернативных центров власти привела к новому раскладу сил, в котором основное противоречие перемещается из Центра (при подсобной роли в конфликте периферии) на линию «Центр—регионы» как основную. Важнейшим институтом, в котором будет разрешаться это противоречие, становится Совет Федерации, сформированный в большой степени из руководителей регионов и республик.

Стратегии регионального развития республиканских элит

Действия национальных элит российских республик и сегодня определяются в значительной степени неустойчивостью и неопределенностью перспектив развития Российской Федерации. Куда пойдет кривая дестабилизации, будет ли она нарастать или приостановится? Окончательного ответа на эти вопросы у республиканских лидеров пока нет.

Кардинальных персональных изменений в руководстве большинства республик не происходило, поэтому политическая ответственность за неудачи и резкое снижение жизненного уровня не могла быть списана на прошлых лидеров. Все это обеспечивало осторожное отношение республиканских властей к «шоковой» политике, проводимой Центром с начала 1992 года. Этим во многом определяются сдвиги в их отношении к Центру после заявленной смены курса Гайдара—Федорова.

В республиках налицо достаточно четкое стремление к самостоятельности. Степень такого стремления зависит от следующих основных факторов: стабильности Центра, наличия внутренних материальных и экспортных ресурсов в республике, степени полиэтничности национального состава населения и руководства, наличия внешних границ и влияний.

Суть политической стратегии республиканского руководства — медленное создание «плацдармов» для получения наиболее выгодных позиций в разграничении полномочий или для возможного обретения независимости в будущем. Создание и наращивание таких «плацдармов» четко видны в политике руководства Татарстана, Тувы (в первом случае мощный эко-

номический потенциал, во втором — доминирование коренной национальности среди населения и руководства). Сходные тенденции прослеживаются у руководства Башкортостана, отчасти Якутии. Наличие центробежных и центро-стремительных по направленности фракций в руководстве просматривается в той или иной мере практически во всех республиках.

Несколько иной путь определился на Северном Кавказе, где этап политического размежевания завершился быстро и политическая стратегия диктуется вовлеченностью в вооруженные конфликты.

Образование политических, правовых, идеологических, социальных «плацдармов» создает двойственную ситуацию в массовых настроениях, в трактовке правового положения республики, обеспечивая поддержку центробежной и центростремительной оппозиций, любой из которых в «нужный» момент может быть придана дополнительная сила. В этом одна из причин того, что в трудные для этноориентированных республиканских группировок времена их нередко поддерживают и оберегают от разгрома властные структуры.

Существующая неопределенность в любой момент допускает желаемое истолкование. Иллюстрацией могла бы служить интерпретация вынесенного на референдум в Татарстане 21 марта 1992 года вопроса: «Согласны ли Вы, что Республика Татарстан — суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками на основе равноправных договоров?». Дополнительно были даны разъяснения руководства Татарстана, что это не означает выхода республики из состава России. Характерно, что проведенный в октябре по заказу Президента, ВС ТССР опрос в республике показал, что за полную независимость от России высказалось 10,4% опрошенных граждан республики (среди русских — 3%, среди татар — 17,9%). Результаты же референдума: 61,4% — за, 37,2% — против.

В некоторых республиках создана одноканальная налоговая система (Якутия, Татарстан, Башкортостан), основой которой является развитая экономическая сырьевая структура. Налоговая система достаточно четко предсказуема: плохо выплачивают налоги в федеральный бюджет богатые регионы и хорошо — бедные. На протяжении 1992—1993 годов налоговые льготы были важной составляющей, обеспечивающей демонстративную лояльность части региональных руководителей (Коми, Якутия).

В Туве, Татарстане, Бурятии сложились достаточно влиятельные, хотя и не слишком многочисленные, партии и движения, ориентирующиеся на национальную независимость. Например, в Туве в апреле 1992 года воссозданный Народный фронт (Хостуг Тыва — Свободная Тува) выдвигает требование национальной независимости, настаивает на проведении референдума по этому вопросу. Близкие по смыслу лозунги выдвигает Народная партия Суверенной Тувы, выступающая против немедленного отсоединения от России, но за закрепление права на самоопределение вплоть до отделения, верховенство законов Тувы над федеральными. В Бурятии создана Бурят-монгольская народная партия. В Татарстане — Татарский Общественный Центр, партия «Иттифак». Им противостоят оппозиционные любым формам сепаратизма, соответственно, Забайкальский союз русского народа и движение «Согласие».

Центральная исполнительная власть проигнорировала позиции руководства регионов в конфликте октября 1993 года в Москве, начала «наступление» на региональную самостоятельность с помощью Конституции. Это стимулировало попытки укрепить позиции региональных группировок путем усиления исполнительной власти и ослабления власти представительной. Наиболее показательны для этой тенденции прошедшие выборы президентов в Башкортостане, Бурятии, Северной Осетии, попытки роспуска Верховного Совета Татарстана.

Сделалось почти неизбежным усиление борьбы за укрепление региональной власти на выборах 1994 года.

Правовые коллизии в связи с распадом СССР, подписанием Федеративного договора и принятием Конституции

Создание «плацдармов» для усиления самостоятельности с особой остротой проявляется в попытках легитимизации сепаратистских устремлений. Для этой цели используются «выгодные» трактовки событий, связанных с вхождением в состав России (или СССР в прошлом), референдумы, опросы общественного мнения, переговоры с Центром и принятие конституций республик.

В качестве примера рассмотрю события, связанные с обсуждением «Соглашения о разграничении предметов ведения между федеральными органами власти Российской Федерации и органами власти республик, краев, автономных округов и автономных областей в составе Российской Федерации» (тогда еще будущий Федеративный договор обсуждали как соглашение) на XIV внеочередной сессии Верховного Совета Республики Тува в марте 1992 года. Официальная трактовка высшим руководством республики инкорпорации Тувы в состав СССР заключается в признании этого акта незаконным. В обоснование этого тезиса приводятся следующие аргументы: аннулирование советской властью всех договоров царской России освободило Туву от протектората; согласно ее конституции 1941 года, ни Президиум, ни Малый Хурал не были правомочны решать вопросы вхождения в СССР; принятие новых автономных областей должно было осуществляться по Конституции СССР его Верховным Советом, а не Президиумом, как это было сделано; ВС СССР не утверждал принятие Тувы в РСФСР, как должно было быть, окончательное решение принял Президиум ВС РСФСР.

Тогда же в Туве был опубликован пакет документов о принятии Тувы в СССР. Опубликованные документы, как предполагается, подтверждают двойственность и правовую неопределенность положения Тувы в составе Российской Федерации в связи с распадом СССР и юридической «недооформленностью» ее положения в РСФСР. Мнение руководства республики — «пока» остаться в Российской Федерации, «снять лозунг национальной независимости, но не навсегда», — лишь подтверждает двойственность и неопределенность ситуации.

Новые республиканские конституции

В осуществлении политики «завоевания плацдармов», а после октября 1993 года и сохранения их важное место занимали принимаемые республиками конституции, являющиеся, по сути, предпоследним рубежом на пути правового размежевания с Центром. Наиболее далеко на этом направлении продвинулась конституция Татарстана, принятая Верховным Советом республики в ноябре 1992 года. Ее содержание, ход обсуждения и принятие не только не сняли опасений относительно отделения, возникших в ходе проведения референдума 21 марта 1992 года, но усилили их.

Так, статья 66 конституции определяла, что «Республика Татарстан — суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией — Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения». В других статьях закреплялось первенство законов Татарстана, вводились статьи, опираясь на которые могли быть созданы свои армия и банк, переподчинена вся контрольная система власти (суды, прокуратура), закреплялась одноканальная система налогообложения. Ссылка на последующий договор между Россией и Татарстаном оставляла возможность лишь для конфедеративных отношений. Заключение в последующем договора между руководством Татарстана и России не устранило этой неопределенности.

В проекте конституции Башкортостана закреплялось право на выход из

Российской Федерации (ст. 10), в исключительную собственность переводился весь экономический потенциал (ст. 52), вся контрольная система власти переподчинялась полностью республике, создавалась одноканальная система налогообложения.

В принятой конституции Республики Саха (Якутия) к собственности республики отнесено воздушное пространство (ст. 4), свои права республика передает в ведение федеративных органов «на определенный срок» (ст. 39).

Проект конституции Республики Тува закреплял право на самоопределение, трактуя его как право на отделение, не соотносил республиканское и федеративное гражданство.

Отношения между Российской Федерацией и республиками трактовались в вышеназванных конституциях исключительно как договорные, а не конституционно-договорные, что предусматривалось в Федеративном договоре.

Конституции наиболее четко выявили степень притязаний республиканских властей в ходе перераспределения полномочий между Центром и республиками. **Начавшийся в первой половине 1994** года пересмотр конституций Калмыкии, Татарстана, Кабардино-Балкарии — в плане их увязки с федеральной Конституцией — лишь трансформирует противоречия между лидерами регионов и федерального Центра.

Изменение национального баланса

Ситуация двойственности в республиках связана с национальной стратификацией. Политическая борьба требует подключения новых — этнических — сил.

Кроме описанного выше политического механизма отеснения группировок, выступающих за укрепление федерального центра, и одновременного усиления сил децентралистских и сепаратистских, действует параллельный (не менее сильный) экономический механизм. В результате его действия за рамками приватизации, социальных дотаций остаются многие лица, относимые к так называемым «некоренным» или слабо представленным в руководстве национальным группам.

Поскольку русское население республик (а это технические специалисты, военные, рабочие) является объективно заинтересованной в целостности Российской Федерации силой, тенденция вытеснения русских из республик ослабляет их интеграционный потенциал.

Причем было бы неверно связывать эту тенденцию лишь с последними годами и лишь политическими субъективными стремлениями в республиках. Неблагоприятная в целом политическая ситуация в ряде республик Российской Федерации усугубляется (как видно из табл.) тенденциями, проявившимися еще в период 1979—1989 годов и выражающимися в падении доли русских в населении ряда республик, тогда еще автономий.

На ситуации сказывается и падение рождаемости у русских, и отток населения с Севера и из Сибири.

Вопрос о русском (или так называемом «русскоязычном», если брать шире) населении — это вопрос политического баланса. Одной из целей отеснения сторонников федерального центра в ряде республик становится изменение политическими методами этностратификационного баланса. Политическая борьба с использованием национальных лозунгов пока что вела к нарушению баланса в регионах, где русские не рассматриваются как местное или «коренное» население. Такой сдвиг впоследствии ведет к дальнейшему «обвальному» вытеснению русских и перерастанию напряженности в конфликт, к возникновению русской миграции, потоков вынужденных переселенцев и беженцев.

Как только баланс сил меняется, сразу же усиливается вытеснение, рушатся сложившиеся пропорции, обеспечивающие относительную межнациональную

Изменение численности наиболее многочисленных национальностей, проживающих
в некоторых республиках Российской Федерации *
(в процентах к общей численности населения республик)

Республики	Основные национальности	1979 год	1989 год
Тува	Тувинцы	60,5	64,3
	Русские	36,2	32,0
Татарстан	Татары	47,6	48,5
	Русские	44,0	43,3
Башкортостан	Башкиры	24,5	21,9
	Русские	40,3	39,3
	Татары	24,5	28,4
Калмыкия	Калмыки	41,5	45,4
	Русские	42,6	37,7
Адыгея	Адыгейцы	21,4	22,1
	Русские	70,6	68,0
Карачаево-Черкесия	Карачаевцы	29,7	31,2
	Черкесы	9,4	9,7
	Русские	45,1	42,4
Кабардино-Балкария	Кабардинцы	45,5	48,2
	Балкарцы	9,0	9,2
	Русские	35,1	32,0
Чечено-Ингушетия	Чеченцы	52,9	57,8
	Ингуши	11,7	12,9
	Русские	29,1	23,1
Дагестан	Аварцы	25,7	27,5
	Даргинцы	15,2	15,6
	Кумыки	12,4	12,9
	Лезгины	11,6	11,3
	Русские	11,6	9,2
Северная Осетия	Осетины	50,5	53,0
	Русские	33,9	29,9

* Статистические данные приведены по: «Численность населения и некоторые социально-демографические характеристики национальностей Российской Федерации». М., 1992.

и политическую стабильность. Вопрос о границе, за которой этно-стратификационный баланс резко меняется,—предмет особого исследования.

Изменение сложившегося баланса определяется не только естественной и вынужденной мобильностью населения, но и внешними причинами. Если ранее в большинстве республик социальное лидерство по ряду позиций (например, связанных с высоким статусом и престижем) было за русскими общинами, то сегодня во многих республиках эти позиции переместились к представителям так называемых «титულных» национальностей.

Наряду с миграцией происходит достаточно массовая национальная переидентификация. И те люди, которые раньше по каким-то соображениям

(престиж и т. д.) в ходе переписей записывались русскими, сегодня возвращаются к иной, как правило, титульной этнической принадлежности. При очередной переписи можно предвидеть сдвиги в росте численности национальностей в регионах еще и за счет тех, кто прежде считался русским.

Во многих республиках прослеживаются изменения в этнической стратификации. Это прежде всего тенденция оттока русского населения из всех северокавказских (к ним примыкает Калмыкия), сибирских и северных (за исключением Карелии) республик Российской Федерации. Особенно обостряется отток из политически неблагоприятных для жизни регионов. Отток усиливается в периоды конфликтов (1990 год — из Тувы, 1991 год — из Чечено-Ингушетии). Активно мигрирует население в республики Урала и Поволжья. Из них наибольшее предпочтение, учитывая урбанизированность, величину республики и численность населения, русские отдают Мари Эл, Удмуртии, Чувашии, наименьшее — Татарстану.

Отток русского населения из ряда республик не ведет к стабилизации межнациональных отношений и политической ситуации. Российскому руководству, декларирующему политику удержания потенциальных репатриантов от выезда из бывших республик СССР, следует придерживаться той же позиции и в отношении республик на своей территории. Естественно, это не относится к беженцам из мест этносоциальных конфликтов. Максимально способствуя закреплению русских в республиках, где они уже осели, можно поддерживать баланс и предотвращать возможные конфликты.

Сходную политику проводит Германия в отношении этнических немцев, которые живут в России. И это объяснимо: ведь проблемы возникают не столько у тех государств, из которых выезжают, сколько у тех, которые принимают.

Сегодня можно констатировать, что на «рост национального самосознания» в республиках накладываются тенденции этноцентризма. Этот процесс затрагивает и русских, причем не только в республиках. Следует прогнозировать в этой связи дальнейшее обострение противоречий русского и нерусского населения.

Опыт национальной политики СССР

Опыт истории показывает, что этносоциальные тенденции развития более долговременны, нежели политические настроения масс. Фактом стало то, что ни Конституция, ни референдум 17 марта 1991 года не предотвратили развал СССР. Процессы становления этнически однородного административного аппарата и интеллигенции, которые стали фактором распада Союза, идут и в российских республиках.

История советского периода изобиловала крайностями в национальной политике: от создания национальной государственности и письменности для народов, которые их не имели, до депортаций и «мягкой» русификации. Цель же этой политики, вся ее направленность сводились к выравниванию уровней развития народов и созданию единой общности — советского народа, что в определенной степени и удалось.

Принятая в теории политика выравнивания уровней экономического и социального развития советских республик как важную составляющую включала в себя политику «воспитания» национальных кадров, их «коренизации». Верная по сути политика для 20—50-х годов, в 60—70-е себя исчерпала, стала способствовать разрушению страны и созданию замкнутых в этническом отношении социально-профессиональных ниш (в первую очередь в аппарате государственного управления и среди гуманитарной и «творческой» интеллигенции). В Прибалтике, Закавказье, Среднеазиатских республиках сложилась ситуация вначале мягкого и постепенного, а позднее и жесткого, и институционализованного (через законы о языках, о гражданстве, через кадровую политику) вытеснения русских и русскоязычных из ключевых сфер деятельности, а вслед за распадом СССР — и с территорий республик.

Те же тенденции действуют сегодня в российских республиках. Мы пока недооцениваем значения замедлившегося в 60—70-е годы в Союзе и отсутствующего в России обмена кадров между Центром и республиканской периферией, а это одна из основ будущего сепаратизма.

Пути ослабления центробежных тенденций

Суверенизация республик Российской Федерации проходила под знаменем борьбы с издержками политики Центра за создание социального рыночного хозяйства с активной ролью государства. У Центра существуют многообразные возможности влиять на стратегию республик и регионов.

Правовые — законодательные и судебные — факторы, хотя и имеют большие перспективы, но, как показали решения Конституционного суда в отношении референдума в Татарстане и отношение в республиках к общероссийским голосованиям, сегодня их эффективность ограничена.

Идеологические факторы все более ограничиваются недоступностью центральной печати, отсутствием поддержки федералистской региональной прессы из Центра. Телевидение и радио, будучи ориентированы на партийные пристрастия и коммерческие критерии, не уделяют достаточного внимания регионам и республикам.

Социально-политические факторы обуславливают довольно широкий выбор средств: от переговоров до помощи антисепаратистски ориентированным политическим организациям в регионах и апелляции к трудовым коллективам. Ослабили кадровые связи между Центром и республиками, хотя потенциал в этой области велик в сферах власти, производства, образования, науки. Такие меры, как создание федеральных должностей в республиках, наравне с представительством последних в исполнительной ветви федеральной власти способствовали бы взаимодействию и взаимопониманию. Одной из лидирующих сил в реализации сепаратистских устремлений является национальная гуманитарная интеллигенция. Ее идейное доминирование в националистических движениях не вызывает сомнений. Как показала практика распада СССР, техническая русскоязычная интеллигенция не может равноценно конкурировать в споре центробежных и центростремительных тенденций. Поэтому представляется важным уже сегодня преодолевать перекосы в республиках и осуществлять более сбалансированную подготовку гуманитарной интеллигенции.

Экономические факторы включают создание межреспубликанских и межрегиональных программ, распределение кредитов, налоговых льгот, организацию региональных инвестиций. Ключевая проблема — подготовка разделения собственности на федеральную и республиканскую. Похоже, именно этот вопрос становится испытанием прочности Федерации. От того, удастся ли создать жизнеспособные и влиятельные предприятия со смешанной федерально-республиканской собственностью и федеральной собственностью на местах, будет зависеть и прочность федеративных отношений, и наличие слоя тех, кто представляет интересы Федерации на местах.

Упорядочение и нормализация отношений Центра и регионов малосовместимы с попытками дискредитации российскими средствами массовой информации ряда регионов с точки зрения привлекательности для инвестиций. Обсуждение вопросов блокады республик, введения войск, смещения руководителей вместо необходимого регулирования федеративных бюджетных поступлений не добавляют доверия Центру со стороны руководства и населения регионов. Осуществить реформы можно только вместе, согласовывая стратегию, проводя приемлемую в регионах федеральную политику.